

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РЕЦЕНЗИИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

АНДРЕЙ МАЛЮК,

*социолог отдела экономической социологии
Института социологии НАН Украины*

Будущее глобальной системы с точки зрения мир-системного анализа

*Hopkins T.K., Wallerstein I. (coord.). The Age of
Tranzition: Trajectory of the World-System,
1945-2025. — London: Zed Books, 1996.*

Новая “великая трансформация”, в которую мир вступил на рубеже тысячелетий, поставила перед социальными науками задачу осмыслить масштабность, направленность и характер переживаемых социальных изменений. В 1980–1990-е годы в социологии и других общественных науках утвердилось мнение, что стержнем социальных преобразований конца XX века является глобализация, совершенно новая фаза социального развития, которую человечество переживает впервые в истории мировой цивилизации и которая может изменить решительно все стороны человеческого существования. Единого понимания глобализации в социальных науках не сложилось. Однако родовой чертой всех концепций глобализации была идея, что многие современные проблемы не могут быть адекватно поняты на уровне отдельных наций-государств (выступающих единицей анализа в большинстве социологических теорий) и отношений между ними. Эти проблемы необходимо рассматривать с точки зрения глобальных процессов [1].

Глобализация очень быстро стала одной из наиболее модных тем научных исследований, выступлений политических деятелей, комментариев международных обозревателей, публичных дискуссий. О лавинообразном возрастании интереса к этой проблеме свидетельствует хотя бы тот факт, что по данным Social Science Citation Index за десятилетие, минувшее с 1986 по 1997 год, количество заголовков книг и журнальных статей, в которых встречается слово “глобальный”, возросло с 2 до 196.

Взрыв интереса к данной проблеме был результатом осознания того, что мировая система становится все более взаимозависимой на всех ее уровнях (локальном, национальном, региональном и межрегиональном) и во всех измерениях (экономическом, политическом, социокультурном), и государственно-центристский подход более не отвечает реалиям сегодняшнего дня. Необходимо учиться мыслить глобально.

Мало кто, однако, знает или помнит, что одним из наиболее важных источников современных представлений о глобализации является критическая работа по переосмыслению некоторых исходных предпосылок социальных наук, которая была начата рядом левых американских социологов в начале 70-х годов. Ее результатом было появление нового направления теоретизирования в социологии, известного как мир-системный анализ. Своим названием мир-системный анализ обязан книге родоначальника и общепризнанного лидера этого направления, профессора Бингемтонского университета Иммануила Валлерстайна “Современная мир-система”. Вклад мир-системного анализа в осознание социальными науками целостности мировой системы был настолько фундаментален, что “если социология и шла в ногу с глобализацией, то это благодаря институциональному и интеллектуальному лидерству, начало которому положило в 1974 году замечательное исследование XVI в.”, предпринятое Валлерстайном [2].

Характерной особенностью и главным отличием мир-системного анализа от в целом аисторических теорий, долгое время доминировавших в социологии, является то обстоятельство, что осмысление современных глобальных и транснациональных процессов он помещает в историческую ретроспективу последних 500 лет. Именно тогда возникла в Европе, а впоследствии охватила весь земной шар, особая *историческая система*, в основе которой лежало единое межсоциетальное разделение труда и движущей силой которой было бесконечное накопление капитала — *современная мир-система* или *капиталистическая мир-экономика*. Эта система была сконструирована таким образом, что создавала структурные стимулы к тому, чтобы накапливать капитал и накапливать его бесконечно. Ее институты функционировали таким образом, что ощутимо вознаграждали тех, кто накапливал капитал, и наказывали тех, кто отказывался это делать. Более того, давление этих стимулов с течением времени постоянно возрастало, что может рассматриваться как постепенное усиление капиталистической природы современной мир-системы.

Характерной чертой капиталистической мир-экономики всегда было то обстоятельство, что бесконечное и максимальное накопление капитала предполагает установление иерархически неравного распределения, когда капиталистические производители, опираясь на поддержку государства, монополизируют некоторые виды производственной деятельности (а именно ведущие отрасли производства). В результате эти производства концентрируются в определенных зонах, которые становятся зонами сосредоточения наибольших капиталов, образующими зону *ядра* капиталистической мир-экономики. Помимо монополизации и концентрации наиболее технологически развитых и потому высокоприбыльных производств ей свойственно также наличие централизованных и сильных государственных структур, свободной и высокооплачиваемой рабочей силы и высокого уровня потребления на душу населения. Зона ядра господствует над другими частями мир-системы — периферией и полупериферией. *Периферия*, по сравнению с ядром, характеризуется концентрацией низкоприбыльных и потому немонополизированных видов производств, подчиняющихся законом рыночной конкуренции, слабыми государственными структурами, более широким распространением принудительных форм труда (внеэкономического принуждения) и более низким уровнем потребления.

В создающемся таким образом *осевом разделении труда* периферия играет роль поставщика сырья и дешевой рабочей силы для ядра мир-системы. Неэквивалентный обмен между двумя зонами является главным механизмом передачи прибавочной стоимости от периферии ядру и ее концентрации в зоне ядра. *Полупериферия* представляет собой зону, которая по указанным параметрам занимает промежуточное положение в мир-системе. Для того, чтобы постоянно поддерживать доста-

точно высокий уровень накопления капитала, ядро постоянно стремится интегрировать в мир-экономику в качестве ее периферии новые регионы земного шара, ранее не являвшиеся частью мир-системы.

Эта непрерывная периферизация в рамках капиталистической мир-экономики большинства народов мира и производственных процессов, а также концентрация технологических, политических, организационных и экономических преимуществ в немногих центрах объясняет, с точки зрения теоретиков мир-системного анализа, огромное неравенство в благосостоянии как между, так и внутри государств мир-системы. Таким образом, мир-системный анализ рассматривает капитализм не как феномен, развивающийся в рамках отдельных наций-государств, а как целостную социальную систему, в которой “передовой” капитализм США, Германии и Японии или других индустриально-развитых стран (государств зоны ядра) органически связан и неотделим от полупериферийного капитализма Бразилии, Южно-Африканской Республики или Южной Кореи и периферийного капитализма Перу, Гондураса или Африки южнее Сахары. В отличие от теорий модернизации, мир-системный анализ полагает, что государства, находящиеся на периферии мир-системы, вряд ли смогут занять более достойное положение в рамках капиталистической мир-экономики. Их уделом остается то, что один из видных представителей мир-системного анализа Андре Гюндер Франк назвал “развитием слаборазвитости”.

Однако, если современные концепции глобализации многое заимствовали из мир-системного анализа, сам он вряд ли может быть абсолютно полно и точно охарактеризован как всего лишь один из вариантов этих концепций. Более того, с точки зрения мир-системного анализа концепция глобализации представляет собой не вполне адекватное прочтение современной реальности и ведет к неверному пониманию исторического кризиса, в котором оказалось человечество. В конце XX века мир действительно переживает процесс радикального преобразования. Однако эта трансформация не тождественна процессу установления нового глобализованного мира. Она, скорее, представляет собой переход от капиталистической мир-экономики, достигшей пределов своей пространственной экспансии, к качественно новой мир-системе. Глобализация вовсе не является чем-то новым, возникшим только в 90-е годы с распадом Советского Союза или несколькими годами раньше. Процессы, которые обычно имеют в виду, когда говорят о глобализации, протекают, по мнению многих социологов, уже в течение 500 лет. И для того, чтобы плодотворно осмыслить глобальную ситуацию 90-х годов, ее нужно поместить в более широкие рамки, одни из которых охватывают период от 1945 г. до настоящего времени, а другие — период от 1450 года до наших дней [3].

Именно с таких методологических позиций в главном институциональном центре мир-системного анализа — Центре Фернана Броделя по изучению экономики, исторических систем и цивилизаций, организатором и директором которого является И.Валлерстайн, был реализован исследовательский проект “Траектория современной мир-системы”. Его результаты были отражены в реферируемой книге “Век трансформации: траектория мир-системы, 1945–2025”, написанной коллективом авторов под руководством И.Валлерстайна и Т.Хопкинса [4]. Глава 1 “Переживает ли мир-система кризис?” представляет собой теоретико-методологическое введение, написанное Т.Хопкинсом и И.Валлерстайном. Часть 1 (гл. 2–7) “Институциональные векторы, 1945–1990” состоит из шести глав, каждая из которых посвящена анализу одной из институциональных сфер мир-системы — межгосударственной системы, структуры мирового производства, структуры мировой рабочей силы, структуры мирового благосостояния, социальной сплоченности государств и структуры знаний. Для каждой из этих сфер анализируются модели двух периодов 1945–1967/1973 и 1967/1973–1990 годов, совпадающие соответственно с фазой подъема (А-фазой) и фазой спада (В-фазой) волны Кондратьева. На основе сопоставления двух моделей авторы приходят к выводу о существовании значительных различий между двумя периодами развития в рамках каждого из институциональных векторов. Каждый вектор рассматривается в глобальном контексте. Особое внимание уделяется раз-

личиям между тремя элементами социально-пространственной структуры мир-системы — ядром, полупериферией и периферией. В части 2 (гл. 8 “Глобальная картина 1945–1990” и гл. 9 “Глобальные перспективы 1990–2025”) И.Валлерстайн предпринимает попытку синтезировать отдельные сюжеты в единое целое, дать обобщающую оценку периода 1945–1990 годов, а также дать прогноз того, что будет происходить с мир-системой в среднесрочной перспективе.

“В этой книге, — отмечает И.Валлерстайн, — мы стремились выяснить, что собственно происходило в мир-системе между 1945 и 1990 годами, чтобы дать достоверный прогноз о траектории мир-системы в последующие 25–50 лет” [4, р. 2]. Однако этот период нельзя правильно понять, если не принимать во внимание, что он представляет собой лишь наиболее позднюю фазу в долгой истории мир-системы, сложившейся в XVI веке. Современная мир-система характеризуется наличием целостной совокупности однажды возникших и подвергавшихся реконструкции в процессе своего развития институциональных сфер, в рамках которых происходила организация деятельности людей. Эти институты продолжали регулировать социальные отношения в пятидесятилетний период после второй мировой войны и будут продолжать функционировать, хотя и со все возрастающими трудностями, в течение следующих 25–50 лет. Эти институциональные сферы представляют собой “векторы” мир-системы — комплексы процессов, задающих постоянно развивающиеся структурные рамки, в которых совершается социальное действие. За время своего развития мир-система, по мнению авторов, образовала шесть различных, но не обособленных институциональных векторов: межгосударственную систему, структуру мирового производства, структуру мировой рабочей силы, структуру мирового благосостояния, социальную сплоченность государств и структуру знаний. Все они являются взаимосвязанными частями, элементами одного целого. Любое изменение внутри одного из них воздействует на все остальные.

Следует учитывать и еще одно обстоятельство, проистекающее из свойств исторических систем вообще и современной мир-системы в частности. Такая система, разумеется, обладает устойчивыми, хотя и не вечными структурами. Именно это и делает ее системой. В то же время она развивается и никогда не может представлять собой одно и то же в каждый следующий момент времени. Это значит, что система обладает историей. Причем в каждый данный момент времени она есть то, что она есть, не только вследствие устойчивости ее структуры, но и вследствие ее особой, уникальной исторической траектории. Иначе говоря, системе присущи *циклические ритмы* как результат нормальных флуктуаций ее устойчивых структур, а также *вековые тренды* (векторы, направление которых является результатом постоянной эволюции структур). Вековые тренды представляют собой устойчивые, сквозные тенденции системы. Поскольку современная мир-система, как и всякая историческая система, обладает циклами, восстанавливающими “равновесие”, и трендами, уводящими систему от ее изначального равновесия, должен наступить момент, когда тренды порождают ситуацию, при которой циклические ритмы оказываются уже неспособными восстанавливать относительное долгосрочное равновесие. Когда это происходит, наступает кризис, означающий поворотный момент, настолько решительный, что жизнь данной системы подходит к концу, и ей на смену приходят одна или несколько альтернативных системам. Подобный “кризис” не представляет собой повторяющегося (циклического) события. Он происходит только однажды в жизни системы и представляет собой не мгновенное событие, а “переход”, долгий период, длящийся несколько поколений. По терминологии “новой науки” это момент, когда система переживает бифуркацию, то есть когда флуктуации системы становятся такими большими и беспорядочными, что кривая отклоняется и образует одну или более новых орбит. В этот момент всегда существует более чем одна вероятность и нет способа заранее определить, каковы будут результаты бифуркации.

В качестве циклических ритмов в мир-системе выступают так называемые *длинные волны Кондратьева*: 50–60-летние циклы экономического развития, со-

стоящие из двух фаз — фазы экономического подъема (*A*-фазы кондратьевского цикла) и фазы спада (*B*-фазы).

Более длительным циклом развития мир-системы, нежели волны Кондратьева, являются *гегемонистские циклы*. Они характеризуют такое состояние мир-системы, при котором одно из государств ядра достигает способности навязывать свою волю другим государствам и устанавливать мировой порядок. Разумеется, уходит много времени, прежде чем какая-либо великая держава сможет одержать верх над своими конкурентами и стать полным гегемоном. Периоды полной гегемонии в мир-системе относительно кратки по сравнению с периодами соперничества за гегемонию. Поэтому за все 500 лет существования современной мир-системы в ней сменилось всего три державы-гегемона — Голландия, Британия и США.

Существует также третий, наиболее длительный исторический период — *жизненная кривая данной исторической системы*, которая начинается приблизительно в 1500 году и тянется до определенного момента в относительно близком будущем. Жизненная кривая исторической системы не обладает, подобно циклам Кондратьева и гегемонистским циклам, колоколообразной формой, скорее имеет тенденцию монотонно двигаться по восходящей, а затем относительно стремительно падать вниз. Это не кривая циклических ритмов, а комбинация вековых трендов.

Чтобы правильно понять текущий период мирового развития, нужно уметь различать эти три типа социального времени.

Уникальность исторического периода 1945–1990 годов, по мнению авторов, заключается в том, что в этот период произошло совпадение трех поворотных пунктов в развитии современной мир-системы, за каждым из которых следовал период упадка. В краткосрочной перспективе это означало конец фазы мировой экономической экспансии текущего цикла Кондратьева и наступление фазы упадка, которая не окончилась и в 90-е годы. В среднесрочной перспективе отмечается начало *B*-фазы гегемонистского цикла мир-системы — начало упадка господствующей роли США. И наконец, в период 1945–1990 годов, появляются признаками возможной дезинтеграции современной мир-системы и начала длительного периода ее трансформации в новую мир-систему (или мир-системы). На это указывают начавшееся в 1970–1980 годах изменение векторов одних вековых трендов мир-системы и достижение структурных асимптов рядом других. Эти изменения невозможно объяснить наступлением *B*-фазы цикла Кондратьева, или цикла гегемонии.

Начальная фаза нового цикла Кондратьева была отмечена наиболее масштабной экономической экспансией, которую капиталистическая мир-экономика испытывала когда-либо за свою 500-летнюю историю. Мир только что вышел из долгой и разрушительной мировой войны. Единственной индустриальной державой, которая не только не испытала разрушений, но даже поднялась на новый уровень развития, оказались США. Разрушения в Европе и Азии изрядно подорвали мировой экономический потенциал, и заполнить эту брешь было под силу только Америке. В последующие 25 лет США выступали генератором и двигателем мировой экономической экспансии. Американские транснациональные корпорации (ТНК) осуществляли в этот период подавляющее большинство иностранных прямых инвестиций, а американский доллар служил стержнем мировой финансовой системы. Экономическое превосходство США стало основой их военного и политического доминирования на мировой арене. В это “золотое тридцатилетие” США достигли зенита своего экономического, военного и политического могущества. Это, однако, было только кульминационным моментом гегемонистского цикла, начало которого относится к 70-м годам XIX века. В это время гегемония Британии клонилась к закату, а США и Германия начали длительное соперничество за статус правопреемников дряхлеющей Британской империи. Длительная борьба, ознаменовавшаяся двумя мировыми войнами, а, по сути, как пишет Валлерстайн, одной “тридцатилетней войной за британское наследство (1914–1945)”, окончилась безусловным военным триумфом США. С этого момента они устанавливают свою гегемонию в мир-системе. *Pax Americana* приходит на смену *Pax Britannica*.

Однако, по мнению авторов, период неоспоримой американской гегемонии был непродолжительным. Уже к середине 60-х годов западноевропейские страны и Япония, во многом благодаря помощи США (план Маршалла для Западной Европы), нуждавшихся в мощном потребительском рынке за рубежом для поддержания эффективности и прибыльности своих предприятий, не только полностью оправились от разрушений военного времени и восстановили господство на внутренних рынках, но и начали активно конкурировать с США на внешних рынках. В это время, как полагают авторы книги, закончился период глобальной экономической экспансии. Это произошло, по многим признакам, еще в 1967 и уж совершенно точно к 1973 году, когда ставший очевидным экономический спад был усугублен так называемым “нефтяным шоком”. Ключевым фактором экономической стагнации было падение уровня мировых прибылей. Причина этого состояла в том, что если в 50-х годах ведущие отрасли промышленности были монополизированы на мировом уровне небольшой группой предприятий, то в 60-х годах количество конкурентов значительно возросло, и поле оказалось переполненным. Таким образом, мир-экономика вступила в *B*-фазу длинной волны Кондратьева.

Поворотный пункт экономического цикла был также и поворотным пунктом цикла американской гегемонии. Последний также вступил в свою *B*-фазу. Это проявилось прежде всего в экономической сфере. Наибольшей проблемой для США был рост экономической мощи других государств зоны ядра (особенно ФРГ и Японии). Это выразилось в увеличении доли европейских и японских корпораций в общем объеме иностранных прямых инвестиций, осуществляемых ТНК. В это же время США утрачивают возможность в одностороннем порядке контролировать мировую финансовую систему; одновременно возрастает значение конкурирующих центров принятия финансовых решений, например, Бундесбанка и “гномов Цюриха”, а также тройки межгосударственных финансово-экономических институтов (МВФ, МБРР, ГАТТ). С 1977 года начинают проводиться ежегодные экономические саммиты “большой семерки”, ставшие центром принятия коллективных решений великих держав зоны ядра.

Геополитические последствия не замедлили сказаться. Все более очевидным становилось стремление Западной Европы освободиться из-под опеки США. Одновременно имперская гегемония США сталкивалась со все возрастающим количеством вызовов в третьем мире.

Особого внимания заслуживает мнение авторов книги о распаде социалистической системы и СССР. “Дезинтеграция в конце 80-х годов советского блока, а затем самого СССР может рассматриваться как победа США, только если серьезно принимать утверждение, что разрушение этого блока представляло собой основную цель мировой политики США, начиная с 1945 года” [4, р. 219–220]. С точки зрения гегемонии США в мир-системе, дезинтеграцию структуры холодной войны, выступавшей каркасом межгосударственных отношений, правильнее рассматривать как удар по американскому превосходству и, поэтому, как событие, произошедшее помимо, а не вследствие политической воли США. Крах биполярной структуры холодной войны открывал возможность возникновения многополюсности и соперничеству между новыми центрами силы.

Вместе со вступлением мир-экономики в *B*-фазу кондратьевского цикла и началом упадка американской гегемонии начиная с 1967/1973 годов отмечается ряд явлений, не вписывающихся в рамки этих двух циклов развития мир-системы. По всей видимости, как полагают авторы, произошло изменение в направлении движения трех взаимосвязанных вековых трендов мир-системы. Их восходящее развитие сменилось нисходящим.

Одно из наиболее удивительных явлений представляют собой все возрастающие и довольно основательные нападки на государственную власть. Сила государства — его централизация по отношению к региональным силам, его власть над подданными или гражданами, его четкая определенность по отношению к другим государствам в межгосударственной системе — неуклонно возрастала на протяже-

нии всех 500 лет существования современной мир-системы (*вековой тренд усиления государства*), достигнув наивысшего уровня в 1945–1967/73 годах с расцветом модели “государства всеобщего благоденствия”. В это время даже консервативные силы в зоне ядра открыто прославляли достоинства дирижизма. В основе “государства всеобщего благоденствия” лежала кейнсианская модель, разработанная еще в период осуществления “нового курса” в США. Суть ее состояла в увеличении емкости внутреннего рынка посредством повышения заработной платы в обмен на отказ от забастовок и возрастание производительности труда. Государство становилось ответственным за поддержание так называемой сетки безопасности — социальной безопасности, образования, здравоохранения, выплат пособий по безработице, предоставления рабочих мест тем, кто оказался без работы, и вообще противодействия циклическим спадам. Модель “государства всеобщего благоденствия” стала также одним из столпов американской гегемонии, поскольку обеспечила США наивысший уровень социальной сплоченности, подняв уровень жизни квалифицированных рабочих и нижних слоев средних классов. Все это привело к значительному сглаживанию конфликтов между трудом и капиталом, столь острых в 30-е годы. Модель “государства всеобщего благоденствия” была заимствована Западной Европой и Японией. Попытки применить ее предпринимались и в третьем мире. Общая атмосфера была четко выражена в экстраординарном заявлении консервативного президента США Р.Никсона в 1971 году: “Мы все теперь кейнсианцы”.

Внезапно направление движения этого векового тренда резко изменилось. “Государство всеобщего благоденствия” не пережило экономического спада, начавшегося в 1967/73 годах. Единство государственной машины в зоне ядра стало распадаться, что выразилось прежде всего в том, что центральные банки получили значительную степень реальной автономии от центральной исполнительной власти. Это означало, что последняя утрачивает способность контролировать параметры экономического развития. Однако, если государственная власть принимает во внимание расстановку политических сил, то центральные банки несут ответственность почти исключительно перед небольшим сегментом транснациональных организаций. Вместе с тем, в это время значительно возрастает власть международных структур, подобных МВФ.

Другим фактором ослабления власти государства была *мировая революция 1968 года*, наиболее памятными эпизодами которой были “красный май 68-го” во Франции и студенческие выступления в других странах Западной Европы и Северной Америки. Мировая революция 1968 года представляла собой протест против американской гегемонии, а также против Советского Союза, обвиненного фактически в сговоре с США. Она подорвала интеллектуальное влияние как реформистского либерализма, так и *антисистемных движений “старых левых”*, представленных социал-демократическими и коммунистическими партиями, а также национально-освободительными движениями. И реформистский либерализм, и антисистемные движения рассматривали государство как основной инструмент достижения процветающего и более эгалитарного мира. Однако и первые, и вторые оказались неспособными ни в сколько-нибудь значительной степени уменьшить экономическую поляризацию, ни установить действительное политическое равенство. Это привело к разочарованию как в либеральном реформизме, так и в старых антисистемных движениях, а также к разочарованию в государстве как агенте социальной трансформации. В результате подняли голову консервативные силы с их изначальными антиреформистскими установками и негативным отношением к государственному регулированию экономики. Это явление, получившее название нелиберализма, на самом деле представляло собой возрождение агрессивного консерватизма, не виданного с 1848 года. Неолиберализм означал отказ от реформистского либерализма и социальной политики “государства всеобщего благоденствия” в пользу идеологии свободного рынка. Начало ему было положено политикой, проводимой кабинетом М.Тэтчер и администрацией Р.Рейгана. Другим ре-

зультатом стал подъем движений, стремящихся усилить сплоченность и солидарность групп, границы которых не совпадали с границами государств.

“Таким образом, дезинтеграция государственных структур, которую мы начали наблюдать в 1970–1980-х годах, приняла новый, более угрожающий оттенок. Что бы это ни было — смена *de facto* государственной власти или же подмена государственных функций в локальных зонах интегрисскими религиозными движениями, наркомафией, военизированными субэтническими группами, городскими бандами или движениями типа Сендеро Луминосо, однако феномен этот получал все большее распространение. Но наиболее важным аспектом этого феномена было не то, что он распространялся, а то, что основные мировые державы, казалось, неспособны или неготовы совладать с этим. Казалось бы, медленное распространение беспорядка объяснялось прежде всего степенью усталости на местах от острой небезопасности и экономических лишений, вызванных дезинтеграцией государственной власти” [4, р. 223].

Наряду с трендом усиления государства изменения затронули и *тренд секуляризации*.

Секуляризация достигала успеха до тех пор, пока безраздельно господствовали представления о прогрессе, свойственные реформистскому либерализму. Религия удерживалась в стороне от политики до тех пор, пока люди чувствовали, что они могут достичь политических целей сугубо политическими средствами и только на политической арене. Поскольку же государство подвергается нападкам, секуляризация начинает утрачивать свое главное политическое оправдание. “Возрождение с новой силой фундаменталистских/интегрисских/неотрадиционалистских религиозных движений по всему земному шару следовало бы рассматривать, таким образом, не как возврат к моделям, предшествующим современной мир-системе, а скорее как пересмотренный антиэтатистский способ достижения нереализованных целей эпохи модерна, выравнивания шансов на достойное качество жизни.” [4, р. 223].

В той степени, полагает И.Валлерстайн, в какой новое религиозное возрождение связано с культурной “революцией” 1968 года и коллапсом реформистского либерализма, оно, очевидно, способствует созданию нового типа политики, о которой много говорилось в 1980-х годах: политики идентичности, или новой веры в сосуществование множества взаимопересекающихся групп с их требованиями и правами.

Новым трендом стал упадок доверия к старой — ньютоновской, детерминистской, позитивистской — парадигме науки, которая последние два столетия была господствующей верой мир-системы. Вера в науку была не только эпистемологической проблемой, она была политическим феноменом, поскольку либеральный реформизм оправдывал свою самоуверенность техническим прогрессом, гарантированным наукой. Сциентизм был необходимой опорой легитимности государства, подрыв которой был чреват серьезными политическими и общими культурными последствиями.

Упадок легитимности государства нарушает нормальное функционирование капиталистической мир-экономики, поскольку именно государство является важнейшим элементом капиталистического накопления: и в том смысле, что оно делает возможным существование монополий, обеспечивающих максимально высокий уровень прибыли, и в том, что оно представляет собой инструмент подавления и умиротворения так называемых опасных классов.

Помимо этого, как показывает анализ, в 70–80-е годы три долгосрочные кривые достигли *структурных асимптот*, пределов роста, что означает возможность еще более глубокого шока системы.

Первая структурная асимптота — трансформация рабочей силы. Аналитики долгое время представляли пролетаризацию рабочей силы как вековой тренд современной мир-системы. Однако, пишет Валлерстайн, мы недооценили, насколько медленным он будет в действительности. Данные показывают, что мир-система достигла не полной пролетаризации рабочей силы, а скорее такого ее состояния, при котором произошло выравнивание различий в степени пролетаризации между яд-

ром и периферией и различий между городом и деревней. Это означает, что практически исчерпаны резервы сельской рабочей силы, которую можно было бы превратить в городских полупролетариев и за счет сокращения издержек, связанных с оплатой труда, найти эффективный способ снизить издержки производства и повысить уровень прибыли. По мнению авторов, это устраняет один из главных механизмов, способных обеспечить экономическую экспансию — посредством пролетаризации некоторого резерва рабочей силы, которая очень часто означала урбанизацию людей, ранее проживавших в сельской местности.

Вторая структурная асимптота наблюдается в области образования. Образование рассматривалось как основной гарант либерального реформизма, представляющий возможности как вертикальной мобильности, так и социальной интеграции. До 1945 года наблюдалась четкая иерархия уровней образования взрослого населения как на мировом уровне, так и внутри каждого государства. Но начавшаяся в 1945 году экономическая экспансия, сопровождаемая триумфом “государства всеобщего благоденствия” и усиленной урбанизацией, привела к огромному расширению начального образования, широкому распространению среднего и значительному — высшего. Однако универсализация образования уничтожила его политические достоинства. Она продемонстрировала, что за количественным распространением образования скрывается иерархия его качественных уровней. Конечно, качественные границы существовали всегда, но они были возрождены и усилены для того, чтобы противодействовать влиянию демократизации доступа к образованию. Политическим следствием стало то, что вера в образование как условие сокращения неравенства была подорвана, и таким образом был устранен один из факторов, стабилизирующих систему.

И, наконец, *третьей асимптотой*, к которой мы, по всей видимости, подходим, является *экологическая деградация*. В течение 500 лет накопление капитала было основано на широкой экстернализации предприятиями издержек производства. Это с необходимостью означало нежелательные с точки зрения общества отходы и загрязнение окружающей среды. До тех пор, пока имелись значительные резервы незагрязненных территорий, на которые можно было перекладывать экологические издержки капиталистического производства, проблему можно было игнорировать. Однако великий экономический подъем после 1945 года привел к тому, что мир переступил порог опасности. В 70–80-е годы экология стала главной политической проблемой, затраты на решение которой угрожают подорвать саму возможность дальнейшего накопления капитала. В любом случае, эта проблема прямо ставит вопрос о легитимности современной поляризации богатства и ресурсов.

Ни одна из этих проблем, возникших еще в 70–80-х годах, не является совершенно новой. И ни одна из них, по мнению И. Валлерстайна, не может быть решена простым наступлением А-фазы цикла Кондратьева или А-фазы цикла гегемонии. На самом деле все они будут, скорее всего, обостряться с новым экономическим подъемом.

Тот факт, что несколько вековых трендов либо достигли структурных асимптот, либо изменили направление движения, означает, что те самые способы, которые должны были обеспечить увеличение накопления капитала или противодействие циклическим спадам в мир-экономике (создание квазимонополий, охраняемых государством, экстернализация экологических издержек капиталистического производства, отток рабочей силы из сельских районов в города), теперь задают структурные пределы самой возможности накопления капитала. А поскольку последнее является определяющей чертой капитализма как исторической системы, то это структурное давление имеет тенденцию к упразднению основного механизма функционирования системы.

Таким образом, анализ ряда вековых трендов дает основание предположить, что мир-система вступила в период системного кризиса, бифуркации, представляющей собой длительный переход к качественно новому состоянию — новой мир-системе или мир-системам. Если это предположение верно и 1967/1973 годы представляют собой также начало системного кризиса данной исторической систе-

мы, что тогда будет происходить с миром в момент бифуркации в среднесрочной перспективе, то есть в ближайшие 25 лет?

Точный ответ на вопрос о состоянии мир-системы в первые десятилетия XXI века, по мнению И.Валлерстайна, можно получить только на основе рассмотрения процессов, происходящих на пяти главных аренах социальной жизни. Наблюдая за ними, мы сможем увидеть, в какой мере каждая из них подвержена колебаниям в поведении, которые система будет уже не способна сдерживать. То есть речь идет о чувствительных зонах, в которых слишком большие колебания могут, выражаясь метафорически, постоянно выталкивать телегу из колеи.

Первая арена — это арена *групп* или, выражаясь более точно, *Gemeinschaften*. *Gemeinschaften* представляет собой тип групп, определяемых в терминах (воображаемой) общности, которая предполагает лояльность, стоящую выше эгоистических интересов. Основной тенденцией в мир-системе было не исключение *Gemeinschaften*, а подчинение их главенству одной особой общности — общности “гражданства”. Разумеется, “гражданство” полностью отождествлялось с государством. В принципе, в современной мир-системе, по крайней мере в течение последних двух веков, каждый был гражданином какой-либо страны и обычно одной страны. Это правило все еще действует. Однако главный вопрос ближайшего будущего состоит в том, будет ли гражданство обладать главенством в отношении лояльности. Ввиду снижения способности государств реагировать на требования граждан и убывающей веры последних в то, что государство может реагировать на их требования, вполне естественно, что усиливаются претензии на главенство других групп, других *Gemeinschaften*. Этот процесс уже начался. Одним из источников его является страх, порождаемый проблемой выживания в ситуации, когда государство неспособно обеспечить безопасность и стабильность. Другой источник — требование демократизации, чувство, что государства постоянно игнорируют потребности определенных групп, фактически отлученных от благ, доступных для граждан. Обе проблемы приводят к возникновению воинствующих организаций на основе таких групп. Но вторая мотивация побуждает группы противопоставлять себя государству, тогда как первая приводит к их взаимному противопоставлению. Легко можно представить себе сценарий, при котором будут действовать три силы: способствующие усилению групп, способствующие демократизации и способствующие сохранению главенства “гражданства”. В ситуации экономической поляризации, отсутствия стабильного геополитического равновесия и распада части идеологического фундамента мир-системы можно предположить сложную борьбу между этими тремя силами как на внутри- так и на надгосударственном уровне.

Вторая арена представляет собой то, что можно назвать *полицейским порядком*. Функционирование любой исторической системы основано на наличии определенного минимума полицейского порядка — меры уверенности в повседневной безопасности личности и собственности. Если этой безопасности нет, нарушается функционирование системы производства, а также политических и культурных институтов.

В современной мир-системе полицейский порядок гарантировался государствами. Ее отличительным свойством была способность задать более чем когда-либо высокую степень внутреннего порядка во всем мире на основе светского государства, которое легитимировалось народным суверенитетом и участием в едином разделении труда в мир-экономике.

Однако этот вековой тренд “государственности” (другое название полицейского порядка) достиг своего апогея, и впервые стала наблюдаться тенденция к его упадку. Устранение таких опор государства, как вера в прогресс, в силу науки и доверие к рациональному реформизму, а также усиление межгрупповой борьбы дают основания усомниться в том, что упадок “государственности” будет таким же постепенным, как и ее подъем.

Третья арена — это арена *военного порядка*, представляющего собой аспект межгосударственной системы. Войны были хроническим явлением в современной мир-системе, причем с течением времени преобладающими стали войны двух ти-

пов. Первый тип — завоевательные войны, которые были инструментом насильственной инкорпорации неевропейских регионов мира в капиталистическую мир-экономику в качестве ее периферии. Они представляли собой неотъемлемую часть установления осевого разделения между ядром и периферией. Иначе говоря, это были войны, развязанные Севером, для того, чтобы покорить Юг. Второй тип войн — это войны за обладание гегемонией, борьба между государствами ядра (Севера) за господство, кульминацией которой становились мировые войны. Два других вида войн — войны между государствами Юга и войны, инициируемые Югом против Севера, — были постепенно исключены. Национально-освободительные войны, конечно, начинались Югом, однако они носили ограниченный характер как по территориальному охвату, так и по своим целям.

Однако в последние годы произошло возрождение именно последних двух типов войн. При этом войны Юга против Севера выходят за рамки национальных границ. Это является признаком ослабления коллективной военной силы Севера. И вновь вопрос заключается в том, будет ли упадок военного порядка таким же постепенным, как и его подъем. Во всяком случае, его распад будет непосредственно влиять на сохранение полицейского порядка и усиливать межгрупповую борьбу.

Четвертая арена — это *арена благосостояния*, в особенности здравоохранения и обеспечения продовольствием. Великим достижением современной мир-системы было постоянное улучшение положения в этих областях, по крайней мере для привилегированной трети мирового населения. Однако теперь структура мирового благосостояния вследствие нарушения функционирования экосистемы, интенсификации миграционных потоков, постоянных требований со стороны непривилегированных насчет доступа к благам, а также в силу роста мирового населения подвергается эрозии.

Последние 200 лет идеологи современной мир-системы поздравляли себя с победой над болезнями и голодом. Однако и здесь кто-нибудь может задать вопрос, не находимся ли мы на нисходящем отрезке кривой. При столкновении с новыми пандемиями, подобными СПИДу, и новыми признаками голода (как, например, в Африке) все еще бытует убеждение, что это технологические проблемы, которые можно решить с помощью достаточных денежных инвестиций и интеллектуальной энергии. И это действительно может быть так, но при условии, что количество подобных проблем не будет увеличиваться и, вместе с тем, мир-системе не будет угрожать распад полицейского и военного порядка. А вероятность этого достаточно высока. В таком случае произошло бы резкое увеличение количества заболеваний, превышающее способность мировой системы здравоохранения справиться с ними. На этой арене, как и на других, колебания могут вскоре стать совершенно неуправляемыми.

Последняя арена — это *стабильность религиозных институтов*. Долгое время полагали, что легитимность религиозных институтов была подорвана возникновением светской научной геокультуры современной мир-системы. На деле же религиозные институты не только выжили, но и вполне справились с вызовом секуляризации. Антиклерикализм стал делом прошлого и, кроме того, как считают, весь мир переживает великое религиозное возрождение.

Однако такое прочтение настоящего упускает из виду тот факт, что мировые религиозные институты сталкиваются сегодня с гораздо более фундаментальным вызовом, чем ньютоновская наука или либерализм, оказавшиеся в этом смысле “бумажными тиграми”. Наибольшим вызовом является требование полного равенства женщин. Исторический факт, что все главные религиозные структуры мира были основаны на таких представлениях и таком отношении к женщинам, которые на деле несовместимы с требованиями полного равенства женщин. Это вытекало из того, что одной из главных функций религиозных институтов был контроль над сексуальной жизнью.

Этот конфликт является весьма острым и разрушительным. Подъем групп, не отдающих приоритетной роли гражданству, позволяет процветать как новому религиозному интегрizmu, так и новым феминистским движениям. Но каждый из

участников этого конфликта черпает силу в аргументах, которые прямо ведут к новому конфликту. Эти конфликты имеют значение для всей организации социальной жизни. С ними нельзя справиться с помощью простого социального компромисса, который просто отодвигает решение проблемы. Точнее, с ними можно было бы справиться, если бы мир-система оставалась стабильной. Но, принимая во внимание ее нестабильность, маловероятно, что разрешение этого конфликта можно было бы отложить. А поскольку этот конфликт будет пересекаться с происходящим на других аренах – групп полицейского порядка и мирового благосостояния, он будет обладать кумулятивным эффектом.

Вполне возможно сдерживать конфликты на одной или более из этих пяти арен. Но будет ли этого достаточно? Поскольку арены взаимодействуют друг с другом, то, по мнению авторов, сдерживание конфликтов на одной арене может оказаться временным, коль скоро конфликты будут вспыхивать на других.

Такова приблизительная картина мир-системы в первые десятилетия следующего века. Если попытаться кратко подытожить все тенденции ее развития, то в следующие 25 лет нас ожидает возрастающий беспорядок. Беспорядок, распространяющийся подобно лесному пожару. Именно это и означает системный хаос. Конечно, из хаоса должен возникнуть новый социальный порядок. Но пока еще рано говорить о том, каким этот порядок будет. Можно только говорить о том, каким бы мы хотели его видеть.

Но даже “если результаты заранее не детерминированы и, следовательно, не могут быть предсказаны, это не означает, что мы должны сидеть, беспомощно ожидая, что нас захватит ураган. Как при любого рода действительных исторических кризисах, здесь существуют возможности реальных выборов. Те, кто четко различит их и будет согласованно воздействовать на них, у тех будет больше шансов достичь желаемого результата, чем у тех, кто слепо доверится невидимой руке истории.” [4, р. 10].

В период системного кризиса-трансформации перестает действовать правило, по которому важным следствиям должны соответствовать весомые причины. Наоборот, в такие времена даже относительно слабое политическое действие может вызывать великие последствия. Это моменты подлинного торжества свободы воли в истории.

По мнению И.Валлерстайна, можно предположить, что в течение этого переходного периода в мир-системе будет происходить политическая борьба между двумя лагерями, один из которых будет представлять силы, заинтересованные в сохранении неэгалитарного и недемократического характера существующей мир-системы. Разумеется, при этом они будут выступать под видом модернизаторов, поборников демократии, защитников свободы и прогресса. Все дело, однако, в том, чтобы за пышной риторикой видеть суть того, что ими предлагается. Другой лагерь будет представлять силы, стремящиеся создать новую историческую систему, гораздо более демократичную и эгалитарную, чем нынешняя. Результаты этой борьбы по своей сути неопределенны. Но именно поэтому они открыты влиянию творческой активности людей [5]. Для того, чтобы помочь этим творческим усилиям, и написана реферируемая книга.

Литература

1. *Sklair L.* Competing Conceptions of Globalization // *Journal of World-System Research.* – 1999. – Vol. 5. – № 2. – P.143.
2. *Friedmann H.* Prometheus Rebound // *Contemporary Sociology.* – 1996. – Vol. 25. – № 3. – P. 321.
3. *Wallerstein I.* Globalization or The Age of Tranzition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System. – Binghamton, 1999.
4. *Hopkins T.K., Wallerstein I.* (coord.). The Age of Tranzition: Trajectory of the World-System, 1945–2025. – London, 1996.
5. *Wallerstein I.* Uncertainty and Creativity // *American Behavioral Scientist.* – 1998. – Vol. 42. – № 3. – P. 320–322.